

УДК 930:327.5((47+57)+438)«1919-1920»:327((47+57)+438)(094.2)«1921»:930:329.15(47+57)

ВЛИЯНИЕ РИЖСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА НА СУДЬБЫ БЕЛОРУССКИХ АРХИВОВ

М. Ф. ШУМЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследована история выработки основных положений XI статьи Рижского мирного договора, регламентировавшей размежевание архивов между договаривавшимися сторонами. Они были крайне неблагоприятно сформулированы для белорусско-российско-украинской стороны как по причине поражения Красной армии в польско-советской войне, так и ввиду возникших в России внутренних проблем, важнейшей среди которых являлось восстание в Кронштадте в феврале – марте 1921 г. Выявлена роль будущего первого ректора БГУ В. И. Пичеты, работавшего главным инспектором Главархива РСФСР и принимавшего осенью 1920 г. в качестве эксперта участие в мирных переговорах в Риге. Сделан вывод о том, что в ходе реализации положений XI статьи договора белорусские архивы понесли значительные утраты. Этим объясняется имевший место «архивный саботаж», суть которого заключалась в показе польской стороне как несуществующих тех или иных архивных комплексов, подлежавших по условиям договора передаче Польше.

Ключевые слова: польско-советская война; Рижский мирный договор; XI статья; Главархив РСФСР; белорусские архивы; В. И. Пичета; «архивный саботаж».

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

УПЛЫЎ РЫЖСКАГА МІРНАГА ДАГАВОРА НА ЛЁС БЕЛАРУСКІХ АРХІВАЎ

М. Ф. ШУМЕЙКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследавана гісторыя распрацоўкі асноўных палажэнняў XI артыкула Рыжскага мірнага дагавора, які рэгламентаваў размежаванне архіваў паміж бакамі. Яны былі вельмі неспрыяльна сфармуляваны для беларуска-расійска-украінскага боку як па прычыне паражэння Чырвонай арміі ў польска-савецкай вайне, так і ў выніку ўзнікшых у Расіі ўнутраных праблем, найважнейшай сярод якіх было паўстанне ў Кранштаце ў лютым – сакавіку 1921 г. Выяўлена роля будучага першага рэктара БДУ У. І. Пічэты, які працаваў галоўным інспектарам Галоўархіва РСФСР і прымаў увосень 1920 г. у якасці эксперта ўдзел у мірных перамовах у Рызе. Зроблены вывад аб тым, што пры рэалізацыі палажэнняў XI артыкула дагавора беларускія архівы панеслі значныя страты. Гэтым тлумачыцца «архіўны сабатаж», сутнасць якога заключалася ў паказе польскаму боку як неіснуючых тых ці іншых архіўных комплексаў, якія па ўмовах дагавора падлягалі перадачы Польшчы.

Ключавыя словы: польска-савецкая вайна; Рыжскі мірны дагавор; XI артыкул; Галоўархіў РСФСР; беларускія архівы; У. І. Пічэта; «архіўны сабатаж».

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

Образец цитирования:

Шумейко МФ. Влияние Рижского мирного договора на судьбы белорусских архивов. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:17–28. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-17-28>

For citation:

Shumeiko MF. Influence of the Riga Peace Treaty on the fate of the Belarusian archives. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2:17–28. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-17-28>

Автор:

Михаил Федорович Шумейко – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры источниковедения исторического факультета.

Author:

Michail F. Shumeiko, PhD (history), docent; professor at the department of source studies, faculty of history. jesti@inbox.ru

INFLUENCE OF THE RIGA PEACE TREATY ON THE FATE OF THE BELARUSIAN ARCHIVES

M. F. SHUMEIKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author investigated the history of the development of the main provisions of the XI article of the Riga Peace Treaty, which regulated the delimitation of archives between the contracting parties. They were extremely unfavourably formulated for the Belarusian-Russian-Ukrainian side both because of the defeat of the Red Army in the Polish-Soviet war, and because of the internal problems that arose in Russia, the most important of which was the uprising in Kronstadt in February – March 1921. This article reveals the role of the future first rector of the Belarusian State University V. I. Picheta, who worked as the chief inspector of the Glavarchive of the RSFSR and took part in the peace negotiations in Riga in the fall of 1920 as an expert. The author comes to the conclusion that in the course of the implementation of the provisions of the XI article of the treaty, the Belarusian archives suffered significant losses. This explains the so-called «archival sabotage» that took place, the essence of which was to show the Polish side as non-existent certain archival complexes that were subject to transfer to Poland under the terms of the treaty.

Keywords: Polish-Soviet war; Riga Peace Treaty; XI article; Glavarchive of the RSFSR; Belarusian archives; V. I. Picheta; «archival sabotage».

Acknowledgements. The article was prepared as part of the implementation of the task of state programs of scientific research for 2021–2025.

Введение

Белорусские историки, занимающиеся изучением подписанного 18 марта 1921 г. в Риге мирного договора, положившего конец польско-советской войне, преимущественное внимание уделяют выяснению его влияния на решение белорусского вопроса. И это вполне понятно, поскольку белорусское государство находилось в запутанной политической ситуации, которая во многом была обусловлена его непростыми отношениями с западными, восточными, северными и южными соседями.

Появилось значительное количество источников по данному вопросу. В одном из последних по времени появления издания [1] приводится обзор литературы по теме. В этом издании, прав-

да, не так много места отведено анализу не только территориальных потерь, понесенных республикой в результате заключенного договора, но и утрат ее культурного наследия, и прежде всего архивного. Задачей настоящей статьи является восполнить данный пробел, существующий в отечественной историографии. На наш взгляд, это важно сделать еще и по причине тройного столетнего юбилея применительно как к событию, о котором идет речь в статье, так и к учреждениям и организациям, причастным к нему (в октябре нынешнего года столетний юбилей отмечает Белорусский государственный университет, а в сентябре будущего – Государственная архивная служба Беларуси).

Основная часть

Несмотря на вышеотмеченную ограниченность литературы по предмету исследования, стоит отметить ряд работ, в которых присутствуют интересующие нас сюжеты. Автором одной из первых публикаций на эту тему был непосредственный участник событий – В. И. Пичета (1878–1947), ставший летом 1921 г. ректором Белорусского государственного университета. Первым его публичным выступлением стал доклад о чрезмерных притязаниях представителей польского правительства в смешанной комиссии по реализации Рижского мирного договора, с которым он выступил на заседании Совета БГУ в годовщину подписания договора – 18 марта 1922 г. Принятое по докладу решение Совета БГУ под названием «Протест» было опубликовано в первом номере издания «Труды Белорусского го-

сударственного университета в Минске», начавшего выходить в 1922 г. Обращает на себя внимание корректность формулировок документа, несмотря на «протестное» название его публикации: «...признавая по существу, что интересы польского народа, пострадавшего от совершенного над ним в 18-м веке насилия, должны быть удовлетворены, одновременно с этим единогласно протестуем против домогательств представителей польского правительства на выдачу таких культурных ценностей, которые хотя и были вывезены из Польши, но в настоящее время являются достоянием всемирной культуры (п. 7-й статьи XI Рижского договора) или по своему составу и языку представляют основные источники и памятники не польского происхождения и имеют ближайшее отношение к истории

и культуре белорусского и других народов, ныне в своей значительной части не входящих в состав Польского государства» [2, с. 209].

В этом же году в издававшемся в Берлине библиографическом журнале «Новая русская книга» увидела свет статья А. Ф. Изюмова «Культурные сокровища России и требования Польши». Работавший в 1918–1922 гг. в Главархиве А. Ф. Изюмов, так же как и В. И. Пичета, принимал участие в заседаниях смешанной комиссии по реализации Рижского мирного договора, а до этого замещал В. И. Пичету на период поездки того в Ригу в сентябре – октябре 1920 г. По решению коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. А. Ф. Изюмов, как член партии кадетов, затем народной социалистической партии, выслан из советской России на печально знаменитом «философском пароходе». Перед отъездом он пообещал выполнить просьбу заместителя директора Российской публичной библиотеки А. И. Браудо – поведать европейской общественности о завышенных польских требованиях. «Его просьбу я выполнил, – писал Изюмов, – так как и сам видел чрезмерность польских требований. Свою статью “Культурные ценности (sic! – М. Ш.) России и [требования] Польши” я сознательно поместил в “Новой русской книге” (№ 9, 1922), издававшейся проф. А. С. Яшенко. В Россию тогда свободно проходило это издание. Копии статьи я разослал в газеты и некоторым видным ученым» [3].

А. Ф. Изюмов, как и В. И. Пичета, обращал внимание на то, что польская сторона очень неохотно прибегала к 7-му пункту XI статьи договора, не допускавшему дробления сложившихся и приобретших мировую известность архивных, музейных, библиотечных фондов. «Мне пришлось работать совместно с поляками по выполнению Рижского договора в качестве эксперта по архивной части почти год (с декабря 1921 г. по сентябрь 1922 г.), – писал он, – и впечатления от заседаний специальной смешанной комиссии были всегда очень тяжелыми. Поляки во всех вопросах проявляют упорное нежелание считаться с интересами культуры в целом и во имя собирания якобы остатков старой Польши готовы разрушить культурные собрания, которые давно систематизированы и сделались достоянием мировой культуры» [4, с. 27–28].

Автор обращался к европейскому научному обществу с призывом повлиять на поляков, «чтобы они умерили свои требования и отказались от разрушения культурных сокровищниц мирового значения». Констатируя пока что сохранявшееся совпадение мнения советского правительства с мнением ученой экспертизы, А. Ф. Изюмов справедливо полагал: «Остается опасность, что к чисто научным соображениям будет применено дипломатическое решение, совершенно не отвечающее научным интересам» [4, с. 28]. И как покажут дальнейшие события, его опасения во многом подтвердились.

Укажем также на доклад В. И. Пичеты «Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на состояние белорусских архивов», с которым он выступил на Первой Всебелорусской конференции архивных работников, состоявшейся 12–15 мая 1924 г. в Минске. В отличие от его доклада на заседании Совета БГУ об этом выступлении станет известно научной общественности лишь через 75 лет [5, с. 34–36]. Анализ содержания доклада дает основание утверждать, что В. И. Пичета предпринимал попытки сформулировать некоторые положения международного архивного права, хотя порой докладчик не мог сохранять беспристрастность. Он отмечал крайне неблагоприятно сформулированную для советской стороны XI статью договора, точное соблюдение которой приводило к выдаче многих белорусских архивов Польше. Докладчик подчеркивал, что яблоком раздора выступал архив великокняжеской канцелярии – Литовская метрика, на которую одновременно с поляками претендовали и литовцы. (Напомним, что договор РСФСР с Литовской Республикой был заключен еще до Рижского мирного договора, а именно 12 июля 1920 г.) Не отрицая наличия в Литовской метрике значительного количества документов, связанных своим происхождением с западной Беларусью, а потому подлежащих передаче Польше, В. И. Пичета тем не менее полагал, что архив великокняжеской канцелярии должен остаться в пределах СССР. И он заверил участников конференции, что при современных условиях выдача Литовской метрики не произойдет, чем заслужил признательность с их стороны.

В опубликованной в трех номерах журнала «Польмя» за 1928 г. статье «Польска-савецкія адносіны і Ружскі мір», которую позже автор называл «единственной работой об этой конференции» [6, с. 42], В. И. Пичета, изложив российско-польские отношения начиная с Первой мировой войны, заключительный, пятый раздел посвятил мирным переговорам в Риге, в которых сам принимал участие в качестве «консультанта по вопросам этнографии и культуры Белоруссии и по различным вопросам, связанным с проведением границ» [6, с. 42]. Заметим, что В. И. Пичета был еще и секретарем созданной при НКВД РСФСР комиссии по обработке и подготовке материалов для ведения мирных переговоров с поляками. В ее состав входили видные ученые – географ Д. Н. Анучин, этнограф Н. А. Янчук, историк М. К. Любавский и др.

Будучи опытным практиком-архивистом (занимал в Главархиве РСФСР должность главного инспектора), а также знатоком международного архивного права, В. И. Пичета обращал в статье внимание на широкое использование польскими экспертами в своих обоснованиях исторических прецедентов начиная с 1815 г., когда после Венского конгресса Франция обязывалась вернуть вывезенные из разных стран культурные ценности. В противоположность

им, как подчеркивал автор, советские эксперты делали акцент на важности сохранения исторически сложившихся и уже ставших достоянием мировой культуры комплексов, архивных, книжных или музейных, и потому не подлежавших разъединению. В торжественно подписанном 12 октября 1920 г. прелиминарном мирном договоре, как отмечал, завершая статью, В. И. Пичета, «было адзначана, што будзе ўстаноўлена абавязацельства вярнуць Польшчы архівы, бібліятэкі, рэчы мастацтва, ваенна-гістарычныя трофеі, помнікі старасьветчыны ды іншыя рэчы культурнага багацьця, вывезеныя з Польшчы ў Расію з часоў падзелу Польшчы» [7, с. 146].

В докладе «25-летие создания Белорусской ССР», сделанном 6 января 1944 г. на заседании сектора истории советского общества Института истории АН СССР и носившем преимущественно характер воспоминаний, В. И. Пичета не затрагивал архивную проблематику на рижских переговорах, предпочтя ей рассказ об установлении границ. При этом он ссылался на свою статью в «Полыме».

Некоторый всплеск интереса к архивно-реституционным вопросам наблюдается в начале 1990-х гг., что было обусловлено распадом СССР и возникшими в связи с этим проблемами использования общего архивного наследия. Побудительным мотивом к появлению статей российских и белорусских историков-архивистов, в которых упоминалось и о предыстории заключения Рижского мирного договора, и о его последствиях, стало подписание в Минске 14 февраля 1992 г. государствами – участниками СНГ так и не вступившего в силу Соглашения о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения [8, с. 232–233], а 23 апреля 1992 г. в Минске были утверждены носившие рекомендательный характер предложения группы экспертов государств – участников СНГ для решения вопросов, связанных с правопреемством в отношении государственных архивов [9, с. 151–152]. В последних особое внимание исследователей привлек 3-й пункт, гласивший: «Все государства-участники имеют право на возвращение тех фондов, которые образовались на их территории, отражают их историю, и в разное время оказались за пределами их границ» [9, с. 151].

Откликом на минские февральско-апрельские события 1992 г. послужила статья одного из ведущих российских архивистов В. В. Цаплина «О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России», которая, по мнению автора, должна была, опираясь на дореволюционный и советский опыт, помочь государствам СНГ найти наиболее целесообразные пути решения «проблемы международного архивного права и собственности на документы» [10, с. 20–26]. Проанализировав тексты «архивных статей» заключенных советской Россией в 1920–1921 гг. договоров,

включая и Рижский мирный договор, автор пришел к выводу, что советская сторона при передаче архивных документов придерживалась следующих принципов: территориального происхождения документов (провиненции); их «фактического содержания... независимо от местонахождения учреждения, в деятельности которых они образовались» (пертиненции, т. е. отношения); «недробимости фонда как исторически сложившегося комплекса документов». Статья В. В. Цаплина вызвала критическое замечание со стороны его коллеги, профессора Историко-архивного института РГГУ Е. В. Старостина, поставившего под сомнение вывод автора о том, что «только советские архивисты успешно разрешили вопросы распределения документов Российской империи между советскими республиками и буржуазными государственными образованиями, возникшими в ее границах» [11, с. 26–27].

По мнению Е. В. Старостина, документы по договорам с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией передавались в спешке, без должной научной экспертизы, при этом не все члены правительственной комиссии одобряли факты таких передач, что подтверждают хранящиеся в ЦГАОР и ЦГИА многочисленные источники. Одновременно, перебрасывая мостик из прошлого в настоящее и заглядывая в будущее, Е. В. Старостин подверг критике и составленный группой экспертов вышеупомянутый 3-й пункт предложений: «Сформулировав такую юридическую норму, участники не подозревают, что они заложили бомбу замедленного действия. И взрыв будет неминуем. Ясно, что не Россия предъявит претензии к соседям. Скорее наоборот. В этой связи статья В. В. Цаплина, поставившая в историческом плане вопрос о документах присоединенных, переданных и прочих территорий иностранных держав в дипломатических актах дореволюционной и советской России, приобретает не только узконаучный, но и политический интерес» [11, с. 26].

Через десять лет тот же автор вернулся к данной проблеме, выступив с докладом «Рижский мирный договор 1921 г.: проблемы “архивной реституции”» на Международной научной конференции «Архіви та краєзнавство: шляхи інтеграції» (Трускавець, 16–19 апреля 2003 г.) [12, с. 163–166]. Проанализировав, как и В. И. Пичета, российско-польские отношения в исторической ретроспективе, Е. В. Старостин обратился затем к ходу переговоров в Риге. «Историю этих переговоров, касающихся архивных материалов, – подчеркнул он, – можно восстановить в датах и лицах, поскольку в ГАРФ сохранились черновые записи протоколов заседаний комиссии, докладные записки, переписка, списки переданных фондов и т. п.» [12, с. 164]. Опираясь на эти источники, автор вновь опроверг утверждение В. В. Цаплина об «успешности» решения проблемы

архивной реституции в послереволюционной России и далее, уже с учетом тяжелой процедуры прохождения в конце 1990-х гг. Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», сделал вывод: «Предстоит большая работа историков и архивистов, чтобы распутать старый клубок, показать шаг за шагом, как решалась эта сложная проблема между двумя славянскими странами, определить местонахождение и сохранность каждого исследуемого фонда в интересах российской и польской исторической науки» [12, с. 166].

В отличие от достаточно скромной белорусской и российской историографии по проблемам, связанным с выработкой и последующей реализацией XI статьи Рижского мирного договора, польские исследования по данной тематике представлены довольно значительно, начиная со статьи бывшего руководителя архивной подкомиссии в польской специальной комиссии Витольда Суходольского «Wykonanie art. XI Traktatu ryskiego w zakresie archiwów państwowych», помещенной в первом томе (1927) созданного по инициативе Станислава Пташицкого журнала «Archeion», главного продолжающегося издания польских архивистов. Информацию о них можно найти в разделе «Rewindykacja i repatriacja z Rosji Radzieckiej i ZSRR» первого тома двухтомного издания современного польского историка и архивиста Дариуша Мательского [13, s. 266–288].

Укажем лишь на одну статью, не вошедшую в обзор вышеназванной работы польского историка и архивиста. Это важно сделать, потому что ее автором является один из лучших знатоков международного архивного права, возглавлявших некоторое время архивную службу Польши; к тому же она основывалась на докладе, с которым автор выступал на Международной научно-теоретической конференции в Минске в декабре 1993 г. Речь идет о статье Владислава Степняка «Матэрыялы па гісторыі Беларусі ў складзе дакументаў Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве». Автор констатирует, что, несмотря на удачно сформулированные для Польши положения XI статьи Рижского мирного договора как в части Литовской метрики, так и в части других архивных комплексов «бясспрэчна польскага паходжання», польская сторона не смогла использовать их. «Здарылася гэта ў сітуацыі, калі ў выніку правадзімай пасля Першай сусветнай вайны рэвіндыкацыі Архіў галоўны акт даўніх здолёў рэвіндыкаваць толькі Каронны архіў, і то не ўвесь. У Маскве засталіся кнігі рускіх спраў (валынскіх) Метрыкі Кароннай з 1569–1673 гг. у колькасці 29 архіўных адзінак, якія цяпер захоўваюцца ў Маскве, а таксама ў Архіве Сейму Чатырохгадовага (1788–1792 гг.) у колькасці 25 архіўных адзінак, якія

былі рэвіндыкаваны толькі ў 60-х гадах. У тую чаргу на ўсходніх тэрыторыях былой Рэчы Паспалітай, якія ўваходзяць цяпер у склад тэрыторый суверэнных дзяржаў (Літвы, Беларусі, Украіны), засталася шмат архіваў розных устаноў, у тым ліку тры дзяржаўныя архівы ў Вільні, Гродне і Львове» [14, с. 80–81].

И завершая историографический обзор, добавим к изданной в 1997 г. монографии автора настоящей статьи «Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем» его же книгу «Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов», вышедшую в 2013 г., в 4-й главе которой – «Первая мировая война, распад империй, образование независимых государств и проблемы архивной реституции» – исследуются как процесс выработки XI статьи Рижского мирного договора, так и последующее выполнение ее положений, а также опубликованную годом позже статью о В. И. Пичете как эксперте по архивам, в которой большое внимание уделяется участию ученого в подготовке и реализации архивной статьи договора [15, с. 68–85; 16, с. 14].

Источниками настоящего исследования послужили прежде всего сам текст Рижского мирного договора с его XI статьей и соответствующими приложениями [17, с. 629–632, 644–646], делопроизводственные документы о деятельности особой комиссии по выработке соглашения¹, делопроизводственные документы, связанные с передачей польской стороне архивных собраний из Беларуси², документы личного происхождения – документы лиц (В. И. Пичеты, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, С. К. Богоявленского, А. Ф. Изюмова и др.), имевших причастность к выработке проекта XI статьи Рижского мирного договора и последующей ее реализации [18; 19, с. 198–202; 20].

Для того чтобы понять логику действий договаривавшихся сторон, следует сказать несколько слов о предыстории выработки XI статьи. Как известно, через несколько дней после свержения самодержавия, 14 марта 1917 г., Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов опубликовал обращение «К польскому народу», в котором провозглашалось, что «Польша имеет право быть независимой в государственном и международном отношении» [21]. На следующий день Временное правительство утвердило Положение о Ликвидационной комиссии по делам царства Польского, согласно которому комиссия должна была провести «выявление местонахождения и состояния имущества государственных и общественных учреждений царства Польского, определение условий хранения и заведования ими впредь до передачи их польскому государству» [22].

Стремление использовать польских легионеров, в частности создаваемый Ю. Довбор-Мусницким польский корпус, в борьбе против немецких войск

¹Гос. арх. Рос. Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 223 ; Там же. Д. 292.

²Нац. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 393 ; Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 365 ; Там же. Оп. 249. Д. 1 ; Там же. Оп. 4. Д. 6.

привело к тому, что военный министр демократической России А. И. Гучков по просьбе поляков издал в апреле 1917 г. распоряжение о передаче им из Оружейной палаты Московского Кремля польских знамен, взятых царскими войсками при подавлении восстания 1830 г. Оно вызвало возражение со стороны Комиссии по приемке и учету дворцового имущества, полагавшей, что этим может быть создан прецедент, согласно которому можно будет вернуть и другие трофеи, изъятые российскими войсками. Тем не менее знамена и штандарты были переданы в апреле 1917 г. полякам, но с оговоркой, что они взяты не в сражениях (следовательно, не являются военными трофеями), а из варшавских музеев.

25 января 1918 г. уже руководитель советского правительства В. И. Ленин по требованию польской стороны подписывает декрет «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу», в котором говорилось буквально следующее: «Предметы старины и искусства, библиотеки, архивы, картины и вообще музейные предметы, где бы они ни находились, принимаются как национальная собственность польского народа под охрану власти рабочего и крестьянского правительства в лице Комиссариата по польским делам и Общества охранения древностей до поры передачи польским народным музеям» [23, с. 343]. Несмотря на то что декрет оставался лишь на бумаге, но, как полагает современный российский историк-архивист, «юридическая основа была заложена» [12, с. 164].

Процесс «расчетов» советской России с возродившейся Польшей, в том числе и за счет Беларуси, начался еще до польско-советской войны. Как отмечал в 1919 г. профессор В. Смолко, «ганаровыя польскія паны пайшлі да бальшавікоў з паклонам, каб ім былі выдадзены дублеты з Публічнай бібліятэкі, якія былі вывезены з Вільні, Гародні, Коўны, гэта значыць з раёну нібы-то былой Рэчы Паспалітай. І што ж: палякам выдалі нашу старасьветчыну» [24].

Этот процесс особенно активизировался в связи с подписанием и последующей реализацией Рижского мирного договора. Однако, как свидетельствуют делопроизводственные документы Главархива России, архивный вопрос возник еще до начала полномасштабной польско-советской войны. В соответствии с отношением Совнаркома РСФСР от 2 апреля 1920 г., согласованным 15 апреля с Главархивом РСФСР, была создана «Комиссия в связи с переговорами с Польшей»³. Ее возглавил бывший руководитель Московского отделения Главархива, известный историк, академик М. К. Любавский. 14 мая 1920 г. на совещании с участием заведующего Главархивом было принято решение: «Для выявления материалов по польскому вопросу образовать комиссию в составе М. К. Любавского, В. И. Пичеты, С. К. Богоявленского и С. К. Шамбинаго» [25, с. 483]. Обращает

на себя внимание состав комиссии: трое ее членов, за исключением С. К. Богоявленского, были одними из лучших в России знатоками истории Великого княжества Литовского. Кроме того, С. К. Шамбинаго, работая, так же как и М. К. Любавский, в бывшем Московском архиве Министерства юстиции, где хранилась Литовская метрика, занимался ее описанием: им вместе с Н. Г. Бережковым было подготовлено «Описание книг Записей литовских», изданное в 1915 г. в качестве 21-го тома «Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ».

Основная работа комиссии началась осенью 1920 г. в связи с выработкой соглашения о предварительных условиях мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой (подписано в Риге 12 октября 1920 г., вступило в силу 18 октября того же года) [17, с. 250]. По предложению руководителя Главархива М. Н. Покровского в состав российской делегации, 10 сентября 1920 г. выехавшей на переговоры в Ригу, был включен и В. И. Пичета. «Я был очень взволнован сделанным мне предложением, – записывал ученый 8 сентября 1920 г. в дневнике, – так как отъезд из Москвы нарушил бы мои научные и педагогические планы, и с этой стороны я предпочел бы остаться в Москве. С другой стороны, я был секретарем комиссии по подготовке польско-русского мирного договора, и отказаться от поездки совершенно немыслимо» [20, с. 60–61].

Напомним, что в этот же день, 10 сентября 1920 г., в Минске председатель ВРК ССРБ А. Г. Червяков подписал принятое комитетом постановление, согласно которому белорусская республика выдала РСФСР «самый широкий мандат на ведение мирных переговоров с Польшей по вопросу главным образом об определении границ Белоруссии» [26, с. 195]. Представителем Беларуси на переговорах был назначен член ВРК В. М. Игнатовский, однако в Ригу поехал председатель комитета, который, по словам В. Ластовского, мог «представлять только коммунистическую партию Белоруссии, но не белорусский народ», поэтому с ним, как с «московским чиновником», поляки, по словам самого А. Г. Червякова, «говорить не желают, а желают говорить только с представителем белорусского народа» [26, с. 200]. За три дня до этого, 7 сентября 1920 г., В. Ластовский в качестве председателя Рады народных министров БНР и замещавшего министра иностранных дел направил министру иностранных дел Польши письмо с просьбой признать независимость БНР, ибо «непризнанье дагэтуль Польшчай незалежнасьці Беларусі зьвязывае беларускаму народу рукі [і] ён ня можа актыўна выступіць проці маскоўскіх акупантаў»⁴.

После двухмесячного пребывания в Риге В. И. Пичета на заседании коллегии Главархива 5 ноября 1920 г. сделал доклад о результатах работы по под-

³ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 1503. Л. 39.

⁴Центр. гос. арх. Лит. Респ. Ф. 582. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.

готовке соглашения с поляками, согласно которому было принято решение «теперь же, ввиду предстоящей передачи по мирному с Польшей договору архивов, ей принадлежащих, образовать особую комиссию в составе [зам. руководителя Главархива] В. Н. Сторожева, [главного инспектора Главархива] В. И. Пичеты и [члена коллегии Главархива] А. А. Трояновского для подробного выяснения всех вопросов, связанных с этой передачей» [25, с. 523].

За три недели до подписания договора, 1 марта 1921 г., В. И. Пичета по поручению руководства Главархива принял участие в совещании, организованном экономическо-правовым отделом НКВД РСФСР. Оно проходило под председательством представителя наркомата М. Бродского накануне приезда в Москву согласительной комиссии. На совещании обсуждался проект циркуляра для всех управлений музеев, архивов, дворцов, библиотек и других научных и художественных хранилищ, предписывавшего собрать точные сведения, составить описи вывезенных и эвакуированных из Польши предметов искусства, старины, науки и культуры.

В составленной тогда же В. И. Пичетой докладной записке на имя руководства Главархива подвергалась критике соглашательская позиция представителя Наркоминдела, выступавшего, по мнению автора записки, в качестве одностороннего защитника польских интересов. Как опытный практик-архивист, приверженец основополагающих принципов архивоведения (происхождения, недробности архивных фондов), В. И. Пичета был категорически против передачи Польше фондов центральных учреждений Российской империи, на чем настаивала польская сторона. Его научно обоснованная и твердая позиция привела к тому, что, несмотря на давление М. Бродского, совещание «признало необходимость собирания сведений об архивах, вывезенных из Польши, к которой я отнюдь не отношу Вел[икого] княж[ества] Литовского, связанного с Коронай унитарными отношениями»⁵. В. И. Пичета не только предложил убрать как необоснованное и широко трактуемое размеры территории Польши примечание («Я указал на то, что границы Польши и Литвы еще не установлены и, может быть, часть Виленской, Гродненской губерний отойдет к Литве, и потому еще рано фиксировать границы Польши»⁶), но и выступил против передачи приобретенного частными или юридическими лицами имущества. Речь должна была идти исключительно об имуществе, вывезенном из Польши государственной властью.

5 марта 1921 г. коллегия Главархива рассмотрела эту докладную записку и вынесла решение принять проект циркуляра с поправками, внесенными В. И. Пичетой, а также предложила автору записки участвовать в дальнейшей работе междуправительственного заседания [25, с. 55].

Несмотря на значительные усилия российских и украинских экспертов в деле смягчения предлагаемых польской стороной условий договора в части архивов, политическая целесообразность, как ее понимали руководители советской России, привела к принятию XI статьи договора, согласно которой Россия и Украина «взяли на себя обязательство возвратить Польше: архивы, регистратуры, архивные собрания, дела, документы, реестры, карты, планы и другие архивные и делопроизводственные материалы государственных, общественных, духовных и других учреждений, действовавших до 1 января 1772 г. на территории, вошедшей в состав Польской Республики; аналогичные документы, образовавшиеся за период с 1 января 1772 до 9 ноября 1918 г. в деятельности административных, общественных, духовных и других учреждений Российской империи, находившихся на территории, вошедшей в состав Польской Республики; документацию этих учреждений, эвакуированных в Россию или на Украину с территории Польской Республики после 1 августа 1914 г., т. е. с начала мировой войны; архивные собрания частных лиц, незаконно вывезенные с территории Польши после 1 января 1772 г., имеющие историческую и культурную ценность для польского народа» [27, с. 529–531].

Впредь до особого соглашения договаривавшихся сторон вывозу с территории России и Украины не подлежали архивы, регистратуры, относившиеся к борьбе после 1876 г. царских властей с революционным движением в Польше, а также «предметы, являющиеся военно-секретными, относящимися ко времени после 1870 года» [17, с. 630].

Седьмой пункт XI статьи договора зафиксировал уважение к целостности архивного (музейного) фонда и одновременно допустимость эквивалентного компенсирования в случае невозможности его передачи польской стороне. Он гласил: «Обе договаривающиеся стороны, соглашаясь, что систематизированные, научно обработанные и представляющие законченное целое коллекции, являющиеся основой сокровищниц мирового культурного значения, не должны подлежать разрушению, постановляют нижеследующее: если изъятие какого-либо предмета, подлежащего на основании п. 1-в настоящей статьи возвращению Польше, могло бы разрушить целостность такой коллекции, то предмет этот, кроме случаев тесной связи с историей или культурой Польши, с согласия обеих сторон в смешанной комиссии, предусмотренной в п. 15 настоящей статьи, должен оставаться на месте за эквивалент в виде предмета равного научного или художественного значения» [17, с. 630]. Это был тот пункт XI статьи договора, к которому не любили прибегать польские эксперты, о чем говорили и А. Ф. Изюмов, и В. И. Пичета.

Российские, украинские и белорусские историки и архивисты негативно оценивали вынужденно за-

⁵ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 223. Л. 25–26.

⁶Там же.

ключенную в такой редакции XI статью Рижского мирного договора. С его подписанием при Главархиве РСФСР была создана под председательством М. К. Любавского Комиссия для выяснения вопросов, связанных с передачей документов Польше. В ее состав вошли Н. Ф. Бельчиков, С. К. Богоявленский и В. И. Пичета. Аналогичная комиссия под руководством А. Е. Преснякова возникла несколько позже и в Петрограде. Документы московской комиссии представлены десятью протоколами заседаний с 23 апреля и до 11 мая 1921 г., докладами ее членов, докладной запиской М. К. Любавского «О положении русской исторической науки в связи с выделением архивов Польше» (составлена не ранее 11 мая 1921 г.), служебной запиской председателя ЦИК БССР и СНК БССР А. Г. Червякова в Главархив РСФСР от 31 мая 1921 г. о недопущении выдачи Россией Литовской метрики какому-либо государству, кроме Беларуси и др. [28, с. 130].

Заметим, что вопрос о Литовской метрике будет неоднократно подниматься и позже. Архив великокняжеской канцелярии станет своеобразным камнем преткновения в отношениях советской России (а после 1922 г. и СССР) не только с Польшей, но и с Литвой. Последняя в 1926 г. поставит в качестве условия заключения готовившегося в это время договора с СССР о ненападении передачу ей Литовской метрики, находившейся в московском архиве. Внешнеполитическое ведомство СССР вынуждено будет инициировать организацию ряда защитных мер, в частности рекомендовать провести в Беларуси научный форум и на нем принять решение о недопустимости передачи архива великокняжеской канцелярии за пределы СССР. Таковой состоится 17–18 января 1926 г. в Минске под названием «Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии». На его открытии с защитной речью в отношении Литовской метрики выступит заместитель наркома просвещения республики А. В. Балицкий; доклад об архиве великокняжеской канцелярии как ценном источнике для изучения истории Беларуси сделает ученый секретарь Археографической комиссии Инбелкульта Д. И. Довгялло. В итоге съезд примет резолюцию «О Литовской метрике» (она значилась первой среди всех шести, принятых съездом). В первом ее пункте говорилось: «Давесці да ведама Ўраду БССР аб неабходнасці захавання Літоўскай мэтрыкі ў межах СССР, бо яна зьяўляецца гістарычнай уласнасцю працоўных Беларусі» [29, с. 5]. Во втором пункте резолюции признавалось необходимым как можно быстрее перевезти Литовскую метрику в БССР, «на што ёсць прынятая згода належных устаноў РСФСР» [29, с. 5]. В данном случае желаемое выдавалось за действительное: Литовская метрика и сегодня хранится в Российском архиве древних актов (Москва).

Защитные меры в отношении Литовской метрики предпринимались и от имени белорусского правительства. Известно, например, что 10 ноября 1926 г. председатель СНК БССР И. А. Адамович направил в отдел Прибалтийских стран НКВД СССР письмо, в котором говорилось буквально следующее: «Совет Народных Комиссаров, заслушав сообщение ректора Бел[орусского] Гос[ударственного] Университета т. Пичеты, постановил просить Наркоминдел воздержаться от передачи Литве так называемой Литовской метрики ввиду того, что БССР имеет все исторические и практические основания для получения этой метрики»⁷.

В. И. Пичета наряду с М. К. Любавским вошел в качестве эксперта в состав созданной 7 октября 1921 г. Специальной смешанной советско-польской комиссии по реализации условий мирного договора. Ее возглавил уроженец Могилёва, ученый-математик, географ, будущий легендарный полярник О. Ю. Шмидт, которого вскоре сменил будущий полпред РСФСР в Польше П. Л. Войков, убитый в июне 1927 г. в Варшаве. Оценивая впоследствии свою роль в деле отстаивания белорусских архивов, В. И. Пичета, будучи арестованным осенью 1930 г. по сфабрикованному «академическому делу», показывал на одном из допросов: «В 1923 г. я порвал связь с Централархивом и приехал в Москву по вызову Наркоминдела для участия в комиссии по реализации Рижского мирного договора. Тяжесть всей работы лежала на М. К. Любавском. Я должен отметить энергичную деятельность Любавского в деле защиты архивных фондов от посягательств на них поляков. Впрочем, большая часть архивов была потом выдана, несмотря на отрицательное отношение комиссии, находившейся в очень напряженных отношениях с польской делегацией. Это было сделано в силу дипломатических переговоров. Я лично сражался с поляками на фронте Литовской метрики. Советское правительство Белоруссии мне поручило отстаивать Литовскую метрику и не отдавать ее полякам... я отстаивал Литовскую метрику как документ белорусско-украинского происхождения, необходимый для изучения истории Белоруссии. В данном случае я исполнял только поручение советского правительства Белоруссии... В настоящее время этот архив, имеющий важное значение, находится на территории РСФСР» [20, с. 285–286].

Эксперты провели тщательную работу по выявлению архивного материала, подлежавшего передаче Польше. Они это делали как в российских, так и в белорусских и украинских архивах. В итоге начиная с 1922 по 1928 г. советской стороной было передано Польше 8115 пудов архивного материала [12, с. 165–166]. «Польше были переданы, – пишет российский историк-архивист В. В. Цаплин, – 7 книг описей Коронного архива Речи Посполитой

⁷НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 393. Л. 6–7.

и 23 ящика с делами Литовской метрики, материалы Варшавского генерал-губернатора, варшавского обер-полицмейстера, Горного департамента царства Польского, губернских правлений, уездных и гминных управлений, магистратов, судов, казенных палат, варшавских казенных театров, варшавского учебного округа и губернских учебных дирекций, губернских управлений государственными имуществами и других государственных и общественных учреждений, а также архив магнатов Браницких» [10, с. 24].

Среди этих комплексов значительное место занимали архивные фонды, созданные на территории Пинского и Новогрудского уездов, отходивших согласно договору к Польше. Они выделялись из Минского архива в соответствии с методикой, предложенной командированным в 1924 г. в Центрархив Беларуси экспертом комиссии по реэвакуации архивов профессором С. К. Богоявленским. Дела, отобранные первоначально по грубому подсчету, без описей, за три года нахождения в Минском архиве перемешались с документами, не подлежащими передаче в Польшу. Заявившие о приезде в Минск в сентябре 1928 г. польские эксперты потребовали от белорусской стороны тщательного отбора подлежащих передаче дел. Встревоженные руководители Центрархива республики обратились в ГПУ БССР и к уполномоченному НКВД СССР в СНК БССР С. Л. Козюре. «Такой оборот дела, – говорилось в письме от 11 сентября 1928 г., – поставил в чрезвычайно затруднительное положение Центрархив БССР, так как некоторые архивы имелось в виду показать несуществующими. Причем Центрархив, технически выделив архивы для Польши, не может сам, на свою ответственность, определять, что передавать Польше, а что считать в архиве отсутствующими» [15, с. 80].

Далее излагался план, выработанный руководителем архивного ведомства Беларуси М. В. Мелешко совместно с С. Л. Козюрой. Согласно ему ряд отобранных материалов должны были перевезти в другое помещение, куда не следовало пускать польских экспертов.

И резюмировало письмо следующее заключение: «Взять на себя ответственность, что передать, что оставить Центрархив не может, так как к материалам при оценке необходимо подходить не только с научной точки зрения, но и с политической, и с экономической, и даже с дипломатической» [15, с. 80].

Передача Польше архивов продолжалась и после подписания 16 ноября 1927 г. СССР и Польской Республикой генерального соглашения, согласно которому стороны не могли заявлять никакие новые требования и претензии, основанные на XI статье Рижского мирного договора. В этом отношении показательна история гродненского архива, созданного в 1921 г. на базе оставшихся не эвакуированны-

ми во время Первой мировой войны частей фондов гродненских губернских правления, казенной палаты, окружного суда, нотариального архива и др. В начале 1926 г. сюда были переданы архивы Суважской и Августовской губерний, поступившие в бывшие губернские центры Российской империи в 1925 г. из Ленинграда⁸. В феврале 1930 г. в гродненский архив были доставлены из Москвы 204 ящика документальных материалов (общее количество – 1118 связок). А в июле этого же года – еще 46 ящиков из Ленинграда⁹. В числе переданных материалов находились фонды уездных по воинской повинности присутствий, городских управ, земских начальников, уездных предводителей дворянства, землеустроительных комиссий, губернского статистического комитета, волостных правлений, лесничеств, уездных, сиротских судов, дворянских опеки, мировых посредников и др.

Переданные сюда же в конце 1939–1940 гг. и особенно в 1948–1949 гг. из Москвы и Ленинграда аналогичные документы свидетельствуют, что XI статья Рижского мирного договора была реализована далеко не полностью, что подтверждает предположения некоторых современных исследователей: в центре и на местах имел место незапланированный *профессиональный саботаж* со стороны архивистов, вынужденных идти на утаивание сохраняемых ими дел, подлежащих по условиям договора передаче Польше. Во всяком случае руководитель советской делегации П. Л. Войков неоднократно подчеркивал, что, хотя выполнение некоторых статей Рижского мирного договора сталкивается со значительными трудностями, тем не менее советская сторона готова выполнять обязательства по XI статье договора. Правда, опубликованный Е. Куманецким в 1991 г. тайный рапорт П. Л. Войкова относительно советской тактики в части реализации условий договора заставляет усомниться в искренности намерений советского дипломата. Так, в начальной части рапорта говорилось: «Польше надлежит возвратить огромное количество архивных материалов. Их возврат представляет собой дело, исторически чрезвычайно важное, и имеет свое значение как результат окончательного размежевания двух государств». А заключал его следующий пассаж: «Так как по Рижскому мирному договору не устанавливается никаких санкций по поводу его невыполнения, по крайней мере на случай расхождения сторон по какой-то проблеме не предусматривается никаких посредников, вопросы, по которым не достигнуто соглашение, остаются нерешенными. Тем самым Литовская метрика, Киевский центральный архив и фонды Кременецкого лицея так и останутся у нас, и дипломаты будут вести о них переговоры в худшем случае в ближайшие десятилетия» [30, с. 68–69].

⁸Гос. арх. Гродн. обл. Ф. 104. Оп. 1. Д. 237. Л. 1 ; Там же. Л. 26 ; Там же. Л. 27.

⁹Там же. Д. 239. Л. 24 ; Там же. Л. 25 ; Там же. Л. 30.

Заключение

Каковы были последствия реализации XI статьи Рижского мирного договора для белорусских архивов? Ответ на этот вопрос может быть один: более чем негативные. Во многих случаях связанные происхождением с Беларусью архивы передавались польской стороне даже без участия белорусских архивистов (речь идет о находившихся в российских архивохранилищах фондах, эвакуированных с территории белорусских губерний в 1914–1915 гг.). Как отмечает современный российский историк-архивист, «документы по известным договорам 1920–1921 гг. с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией передавались в спешке, без должной научной экспертизы, учета интересов российской [от себя добавим и белорусской! – М. Ш.] исторической науки... Большевицкое правительство в стране, объявляемой пламенем гражданской войны, руководствовалось только политическими мотивами и ничем более другим. Наивные грезы о мировой революции, желание побыстрее покончить с проклятым прошлым (известен несостоявшийся декрет об уничтожении сохранившейся юридической документации) подталкивали тогдашних правителей к подобному решению» [11, с. 27].

В процессе перемещения в 1922–1930 гг. из белорусских и российских архивов подлежащих передаче Польше архивных фондов белорусского происхождения и последовавшего после 17 сентября 1939 г. их возвращения в состав Государственного архивного фонда БССР имели место многочисленные утраты документов, которые ощущаются до настоящего времени.

Вместе с тем реализация XI статьи договора, и особенно ее 7-го пункта, показала международному архивному сообществу, что в тех случаях, когда невозможно разделить документы, не нарушая целостности архивного фонда или приобретшей широкую известность и представляющей мировое значение архивной коллекции, следует вводить практику общего достояния государств. Именно о такой практике во взаимоотношениях между странами – участниками СНГ говорил неоднократно упоминавшийся В. В. Цаплин, предлагая дополнить единые для архивоведения принципы (историзма, недробимости архивного фонда и др.) принципами исчерпывающей доступности архивной информации (ее гласности) и равных возможностей субъектов СНГ в отношении его архивов [31, с. 31].

Библиографические ссылки

1. Боровская ОН. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса. Москва: Алгоритм; 2018. 285 с.
2. Белорусский государственный университет. Труды Белорусского государственного университета в Минске. Том 1. Минск: Госиздат Белоруссии; 1922. 218 с.
3. Изюмов АФ. На сторожевом посту. В: Браудо АИ. Очерки и воспоминания. Париж: Кружок русско-еврейской интеллигенции в Париже; 1937. с. 135–136.
4. Изюмов АФ. Культурные сокровища России и требования Польши. В: Яценко АС, редактор. Новая русская книга. Выпуск 9. Берлин: Издательство И. П. Ладьяникова; 1922. С. 27–28.
5. Шумейко МФ, составитель. Первая Всебелорусская конференция архивных работников, 12–15 мая 1924 г.: документы и материалы. Минск: БелНИИДАД; 1999. 148 с.
6. Круглов ВН, Тихонов ВВ. «История белорусского народа довольно своеобразна»: доклад В. И. Пичеты «25-летие создания Белорусской ССР». Исторический архив. 2016;3:32–55.
7. Пічэта УІ. Польша-савецкія адносіны і Рыжскі мір. Польша. 1928;4–6.
8. Мальдзіс АВ, рэдактар. Вяртанне. Дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошуку і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь. Мінск: Беларускі фонд культуры; 1992. 256 с.
9. Шумейко МФ. Собрать рассеянное. О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск: БелНИИДАД; 1997. 155 с.
10. Цаплин ВВ. За обновление архивоведения в условиях суверенитета республик. Отечественные архивы. 1992;1:29–34.
11. Старостин ЕВ. Профессор Старостин о затронутой проблеме. Отечественные архивы. 1992;4:26–27.
12. Старостин ЕВ. Рижский мирный договор 1921 г.: проблемы «архивной реституции». Студії з архівної справи та документознавства. 2003;9:163–166.
13. Matelski D. Grabież i restytucja polskich dóbr kultury: od czasów nowożytnych do współczesnych. Tomek 1. Krakow: Towarzystwo Przyjaciół Sztuk Pięknych; 2006. 676 s.
14. Стэпняк У. Матэрыялы па гісторыі Беларусі ў складзе дакументаў Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве. У: Тэзісы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы»; 1–2 снежня 1993 г.; Мінск, Беларусь. Частка 1. Мінск: БелНДІДАС; 1993. с. 79–89.
15. Шумейко МФ. Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов. Минск: БелНИИДАД; 2013. 269 с.
16. Шумейко МФ. В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920–1947 гг. Отечественные архивы. 2014;1:3–14.
17. Министерство иностранных дел СССР. Документы внешней политики СССР. Том 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. Белов ГА, Гармаш ЕС, Майоров СМ, Миллер АФ, Садчиков ИВ, Стручков АА, редакторы. Москва: Госполитиздат; 1959. 702 с.
18. Шмидт СО, редактор. Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Москва: Наука; 2003. 2 тома.

19. Гернович ТД. Докладная записка М. К. Любавского «О положении русской исторической науки в связи с выделением архивов Польше» (не ранее 11 мая 1921 г.). В: Рыбакоў Я, рэдактар. *Мінулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ведаў. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі; 20 мая 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БелНДІДАС; 2010. с. 198–202.
20. Ходзін СМ, Шумейка МФ, Яноўскі АА, складальнікі. *Памяць і слава. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта*. Абрамкейа СУ, рэдактар. Мінск: БДУ; 2011. 375 с.
21. *Вестник Временного правительства*. 16 марта 1917;10(56).
22. *Вестник Временного правительства*. 17 марта 1917;11(57).
23. Обичкин ГД, Валк СН, редакторы. *Декреты Советской власти. Том 1*. Москва: Госполитиздат; 1957. 625 с.
24. Смолко В. Пагібель старасведчыны. *Часопіс Міністэрства беларускіх спраў*. 1919;1:8–11.
25. Копылова ОН, редактор. *Архивы и власть. Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг. Сборник документов. Том 1. 1918–1920 гг.* Москва: Кучково поле; 2018. 1040 с.
26. Міхнюк УМ, Ракашэвіч УК, Фалей ЯС, Шарапа АВ, Шупа СА, складальнікі. *Знешняя палітыка Беларусі. Том 1 (1917–1922)*. Мінск: БелНДІДАС; 1997. 398 с.
27. Хренов ИА, Гонсеровская-Грабовская Н, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 3*. Москва: Наука; 1965. 608 с.
28. Жумарь СВ, Шумейко МФ, составители. *Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.): документы и материалы*. Мінск: БелНИИДАД; 2015. 438 с.
29. Смоліч А, рэдактар. *Працы Першага зьезду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі 17–18 студзеня 1926 году*. Мінск: Інстытут беларускай культуры; 1926. 86 с.
30. Встретимся в древлехранилище. *Родина*. 1994;12:68–72.
31. Цаплин ВВ. О праве собственности на архивные документы в дипломатических актах дореволюционной и советской России. *Отечественные архивы*. 1992;4:20–26.

References

1. Borovskaya ON. *Sovetsko-pol'skie peregovory 1918–1921 gg. i ikh vliyanie na reshenie belorusskogo voprosa* [Soviet-Polish negotiations 1918–1921 and their influence on the solution of the Belarusian issue]. Moscow: Algoritm; 2018. 285 p. Russian.
2. Belarusian State University. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta v Minske. Tom 1*. Minsk: Gosizdat Belorussii; 1922. 218 p. Russian.
3. Izyumov AF. [At the sentry post]. In: Braudo AI. *Ocherki i vospominaniya* [Essays and memories]. Paris: Circle of Russian-Jewish intelligentsia in Paris; 1937. p. 135–136. Russian.
4. Izyumov AF. [Cultural treasures of Russia and the requirements of Poland]. In: Yashchenko AS, editor. *Novaya russkaya kniga. Vypusk 9* [New Russian book. Issue 9]. Berlin: Izdatel'stvo I. P. Ladyzhnikova; 1922. p. 27–28.
5. Shumeiko MF, compiler. *Pervaya Vsebelorusskaya konferentsiya arkhivnykh rabotnikov, 12–15 maya 1924 g.: dokumenty i materialy* [The first all-Belarusian conference of archival workers, 1924 May 12–15: documents and materials]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1999. 148 p. Russian.
6. Kruglov VN, Tikhonov VV. [«Istoriya belorusskogo naroda dovol'no svoeobrazna»: doklad V. I. Pichety «25-letie sozdanija Belorusskoi SSR»]. *Istoricheskii arkhiv*. 2016;3:32–55. Russian.
7. Picheta UI. [Polish-Soviet relations and the Riga Peace Treaty]. *Polymia*. 1928;4–6.
8. Mal'dzis AV, editor. *Vjartanne. Dakumenty i arhiwnyja matjeryjaly pa problemah poshuku i vjartannja nacyjanal'nyh kash-townascej, jakija znahodzjacca za mezhami Rjespubliki Belarus'* [Return. Documents and archival materials on the problems of search and return of national values outside the Republic of Belarus]. Minsk: Belaruskі fond kul'tury; 1992. 256 s. Belarusian.
9. Shumeiko MF. *Sobrat' rasseyannoe. O restitutsii belorusskikh arkhivov v proshlom i nastoyashchem* [Collect the scattered. Restitution of Belarusian archives in the past and present]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1997. 155 p. Russian.
10. Tsaplin VV. For the renewal of archival science in the conditions of the sovereignty of the republics. *Otechestvennye arkhivy*. 1992;1:29–34. Russian.
11. Starostin EV. Professor Starostin o zatronutoi problem. *Otechestvennye arkhivy*. 1992;4:26–27. Russian.
12. Starostin EV. The Riga Peace Treaty of 1921: problems of «archival restitution». *Studii' z arhivnoi'spravy ta dokumento-znavstva*. 2003;9:163–166. Russian.
13. Matelski D. *Grabież i restytucja polskich dóbr kultury: od czasów nowożytnych do współczesnych. Tomek 1*. Krakow: Towarzystwo Przyjaciół Sztuk Pięknych; 2006. 676 s.
14. Stjepnjak U. [Materials on the history of Belarus in the documents of the Main Archive of Ancient Acts in Warsaw]. In: *Tjezisy Mizhnarodnaj navukova-tjearyetichnaj kanferjencyi «Arhivaznavstva, krynicaznavstva, gistoryjagrafija Belarusi: stan i perspektivy»; 1–2 snezhnja 1993 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [Abstracts of the International scientific and theoretical conference «Archival Studies, source studies, historiography of Belarus: status and prospects»; 1993 December 1–2; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1993. p. 79–89. Belarusian.
15. Shumeiko MF. *Istoricheskie i pravovye aspekty restitutsii belorusskikh arkhivov* [Historical and legal aspects of the restitution of Belarusian archives]. Minsk: Belorusskii nauchno-issledovatel'skii institut dokumentovedeniya i arkhivnogo dela; 2013. 269 p. Russian.
16. Shumeiko MF. V. I. Picheta as an expert on archives in 1920–1947. *Otechestvennye arkhivy*. 2014;1:3–14. Russian.
17. USSR Ministry of Foreign Affairs. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Tom 3. 1 iyulya 1920 g. – 18 marta 1921 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Volume 3. 1920 July 1 – 1921 March 18]. Belov GA, Garmash ES, Maiorov SM, Miller AF, Sadchikov IV, Struchkov AA, editors. Moscow: Gospolitizdat; 1959. 702 p.
18. Shmidt SO, editor. *Akademik S. F. Platonov. Perepiska s istorikami* [Academician S. F. Platonov. Correspondence with historians]. Moscow: Nauka; 2003. 2 volumes. Russian.

19. Gernovich TD. [Memorandum of M. K. Lubavsky «On the state of Russian historical science in connection with the allocation of archives to Poland» (no earlier than 1921 May 11)]. In: Rybakow Ja, editor. *Minulae i suchasnasc': arhivy w sistjeme humanitarnykh vedaw. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi, prysvechanaj 100-goddzju Vicebskaj vuchonaj arhiwnaj komisii; 20 maja 2009 g.; Minsk, Belarus'* [Past and present: archives in the system of humanities. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Vitebsk scientific archival commission; 2009 May 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 2010. p. 198–202. Russian.
20. Hodzin SM, Shumejka MF, Janowski AA, compilers. *Pamjac' i slava. Pershy rjektar Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta – Uladzimir Ivanavich Pichjeta* [Memory and glory. The first rector of the Belarusian State University – Vladimir Ivanovich Picheta]. Ablamejka SU, editor. Minsk: Belarusian State University; 2011. 375 p. Belarusian.
21. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. 1917 March 16;10(56). Russian.
22. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. 1917 March 17;11(57). Russian.
23. Obichkin GD, Valk SN, editors. *Dekrety Sovetskoj vlasti. Tom 1* [Decrees of the Soviet government. Volume 1]. Moscow: Gospolitizdat; 1957. 625 p. Russian.
24. Smolko V. *Pagibel' starasvedchyny* [The destruction of antiquity]. Chasopis Ministjerstva Belaruskich spraw. 1919;1: 8–11. Belarusian.
25. Kopylova ON, editor. *Arhivy i vlast'. Pervoe poslerevoljucionnoe desjatiletie. Protokoly i zhurnaly zasedanij rukovodjashchih organov upravlenija arhivnoj otrasl'ju za 1918–1928 gg. Sbornik dokumentov. Tom. 1. 1918–1920 gg.* [Archives and power. The first post-revolutionary decade. Minutes and journals of meetings of the governing bodies of the archival industry for 1918–1928. Collection of documents. Tom. 1. 1918–1920]. Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 1040 p. Russian.
26. Mihnjuk UM, Rakashjevich UK, Falej JaS, Sharapa AV, Shupa SA, compilers. *Zneshnjaja palityka Belarusi. Tom 1 (1917–1922)* [Foreign policy of Belarus. Volume 1 (1917–1922)]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 1997. 398 p. Belarusian.
27. Khrenov IA, Gonserovskaya-Grabovskaya N, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 3* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 3]. Moscow: Nauka; 1965. 608 p. Russian.
28. Zhumar' SV, Shumeiko MF, compilers. *Iz istorii arkhivov v Belarusi (1860-e gg. – 1960 g.): dokumenty i materialy* [From the history of archives in Belarus (1860s – 1960): documents and materials]. Minsk: Belarusian Scientific Research Institute of Documentation and Archival Affairs; 2015. 438 p. Russian.
29. Smolich A, editor. *Pracy Pershaga z'ezdu das'ledchykaw belaruskaj arheoljogii i arheografii 17–18 studzenja 1926 godu* [Proceedings of the First congress of researchers of Belarusian archeology and archaeography 1926 January 17–18]. Minsk: Institute of Belarusian Culture; 1926. 86 p. Belarusian.
30. [Meet me at the ancient storage]. *Rodina*. 1994;12:68–72. Russian.
31. Tsaplin VV. [On the ownership of archival documents in diplomatic acts of pre-revolutionary and Soviet Russia]. *Otechestvennye arkhivy*. 1992;4:20–26. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.02.2021.
Received by editorial board 27.02.2021.